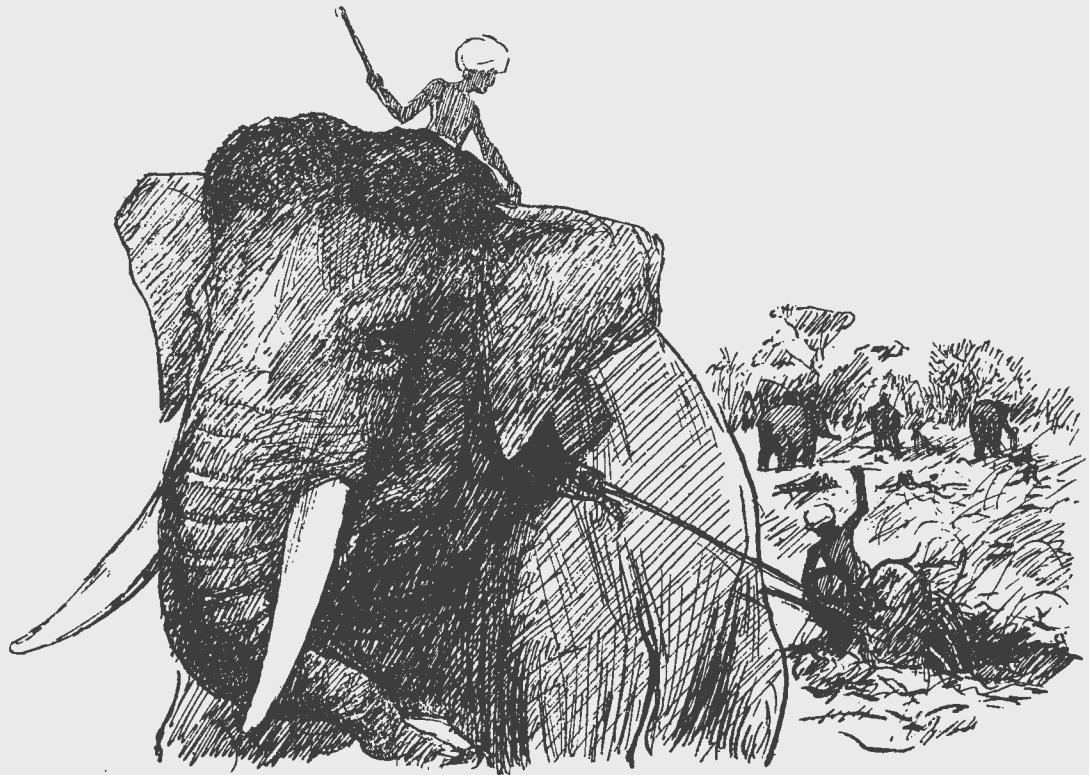

ПИОНЕР

Апрель

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1936 г.

М я т е ж н и к М о т и Г а д ж

Рассказ Редиарда Киплинга

Рисунки П. Митурича

Перевод М. Кондратьевой

Жил некогда в Индии один плантатор, собиравшийся расчистить участок леса под кофейные плантации. Когда он срубил все деревья и выжег подлесок, оставались еще пни. Динамит дорог, огонь действует медленно. Лучшее орудие для корчеванья пней — владыка всех зверей — слон. Он либо выкальвает пень из земли своими бивнями, если сохранил их, либо вытаскивает пень при помощи канатов. Итак, плантатор стал нанимать слонов поодиночке, по паре, по три и приступил к работе. Лучший из слонов принадлежал худшему из погонщиков, или махаутов. Звали это великолепное животное Моти Гадж, что значит в переводе «Слон-жемчужина». А хозяин его был беспутный малый, и звали его Диса. Заработав много денег силами своего слона, он вдребезги напивался и бил Моти Гаджа шестом от палатки по чувствительным ногтям передних ног. Моти Гадж в

этих случаях не заталтывал Дису досмерти, ибо знал, что после побоев Диса будет обнимать его хобот, плакать и называть его своей любовью, своей жизнью, печенью своей души и даст ему выпить какого-нибудь крепкого напитка. Моти Гадж очень любил спиртные напитки, особенно арак, впрочем, он охотно пил и пальмовое вино, если ничего лучшего не предлагали. Потом Диса ложился спать между передними ногами Моти Гаджа, и так как Диса обычно располагался на середине большой дороги, а Моти Гадж сторожил его, не пропуская ни конных, ни пеших, ни повозок, то движение останавливалось, пока Диса не соглаговолит проснуться.

Днем на плантаторской вырубке спать не приходилось: нельзя было рисковать большим жалованьем. Диса сидел на шее Моти Гаджа и отдавал ему приказания, а Моти Гадж выкорчевывал пни, ибо он вла-

дел парой великолепных бивней, или тянул канаты, ибо у него была пара великолепных плеч. Диса хлопал его по голове за ушами и называл царем слонов. Вечером Моти Гадж запивал свои триста фунтов свежей зелени квартой арака, а Диса тоже получал свою долю и пел песни, сидя между ногами Моти Гаджа, пока не наступало время ложиться спать. Раз в неделю Диса уводил Моти Гаджа вниз, на реку, и Моти Гадж блаженно лежал на боку среди отмелей, а Диса прохаживался по нему с кокосовой шваброй и кирпичом. Моти Гадж прекрасно отличал тяжелый удар кирпича от шлепка шваброй, возвращающего, что нужно встать и перевалиться на другой бок. Потом Диса осматривал его ноги и глаза и отвертывал края его огромных ушей, ища, нет ли где язв или не началось ли воспаление глаз. После осмотра Моти Гадж весь черный и блестящий, держа хоботом сорванную с дерева двенадцатифутовую ветвь, махал ею, а Диса закручивал узлом свои длинные, мокрые волосы.

Мирная, хорошо оплачиваемая работа продолжалась, пока Диса не ощутил потребности напиться вдребезги. Он жаждал настоящей оргии.

Он подошел к плантатору и сказал, плача:

— Моя мать умерла.

— Она умерла на прежней плантации два месяца назад, а еще раз умерла до этого, когда ты работал у меня в прошлом году, — сказал плантатор, несколько знакомый с повадками Дисы.

— В таком случае это моя тетка: она была мне все равно что мать, — еще горше заплакал Диса. — Она оставила восемнадцать человек маленьких детей совершенно без хлеба, и я обязан наполнить их животики, — продолжал Диса, стукаясь головой об пол.

— Кто тебе сообщил об этом? — спросил плантатор.

— Почта, — ответил Диса.

— Почты не было уже целую неделю. Ступай обратно на свой участок.

— На деревню мою напала опустошительная хвоя — и все жены мои умирают, — завопил Диса, теперь уже искренно заливаясь слезами.

— Кликните Чихана, однодеревенца Дисы, — приказал плантатор. — Чихан, есть у этого человека жена?

— У него! — воскликнул Чихан, — нет. Ни одна женщина из нашей деревни и не взглянет на него. Они скорее выйдут за

муж за слона. — Чихан фыркнул Диса плакал и ревел.

— Еще минута — и тебе плохо придется, — обратился к нему плантатор. — Ступай на работу.

— Ну, теперь я скажу всю истинную правду, — вздохновенно всхлипнул Диса. — Я уже два месяца не напивался. Я хочу уйти, чтобы основательно выпить вдали от этой небесной плантации. Так я не причиню никакой неприятности.

По лицу плантатора пробежала улыбка.

— Диса, — начал он, — ты сказал правду, и я сейчас же отпустил бы тебя, кабы можно было справиться с Моти Гаджем в твое отсутствие. Ты знаешь, что он слушается только тебя.

— Да живет Сиянье Небес сорок тысяч лет! Я уйду только на десять коротких дней. По прошествии их, — клянусь моей верой, и честью, и душой! — я вернусь. Что же касается незначительного промежутка времени, то не соизволит ли небеснорожденный милостиво разрешить мне позвать Моти Гаджа?

Разрешение было дано, и в ответ на пронзительный крик Дисы величественный бивненосец выплыл из тени рощицы, где он обсыпал себя струей пыли в ожидании хозяина.

— Свет моего сердца, покровитель пьяниц, гора моши, приклони ухо, — произнес Диса, становясь перед слоном.

Моти Гадж приклонил ухо и в знак приветствия помахал хоботом.

— Я ухожу, — промолвил Диса.

Глаза Моти Гаджа блеснули. Он не меньше хозяина любил прогулки. В этих случаях всегда удается срывать разного рода вкусные вещи, растущие по краям дороги.

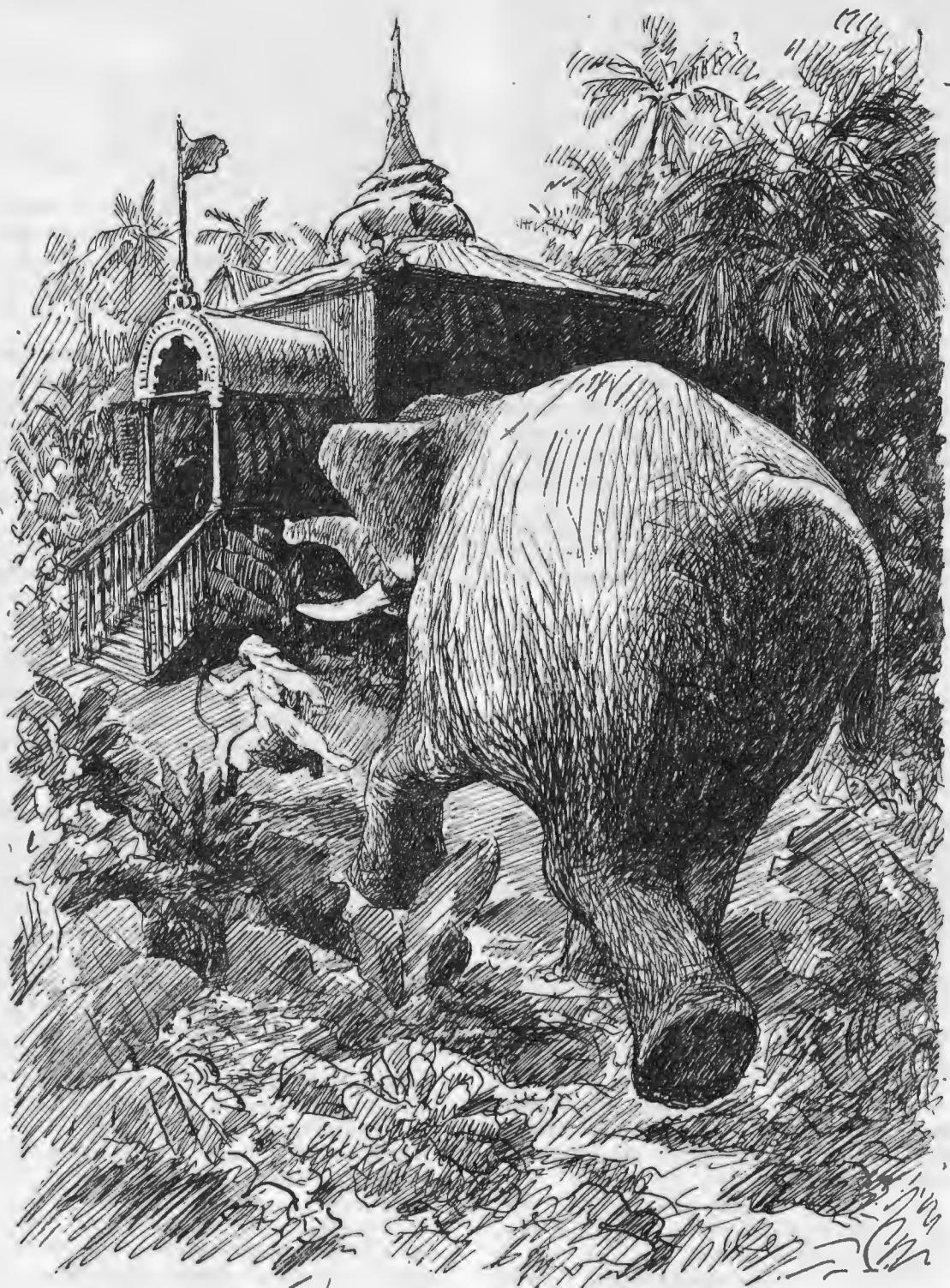
— Но ты, головастая старая свинья, ты останешься здесь и будешь работать.

Блеск глаз потух, хотя Моти Гадж и старался казаться довольным. Он ненавидел тасканье пней на плантации. От этого у него болели зубы.

— Я уйду на десять дней, о Сладостный! Подними ближайшую ко мне переднюю ногу, и я вкоточу это в нее, бородавчатая жаба из высохшей грязной лужи.

Диса схватил шест от палатки и десять раз ударил Моти Гаджа по ногтям. Моти Гадж ворча переступал с ноги на ногу.

— Десять дней, — промолвил Диса, — ты должен будешь работать, таскать и вырывать с корнем деревья, как прикажет тебе вот этот человек, Чихан. Возьми Чихана и посади его себе на шею.

Моти Гадж оказал белому человеку честь, прогнав его чуть ли не четверть мили по вырубке и загнав его на веранду.

Моти Гадж подвернул конец хобота, Чихан поставил на него ногу и был поднят на шею слона. Диса передал Чихану тяжелый анкус — железную палку, которой погоняют слонов.

Чихан стукнул Моти Гаджа по лысой голове, как мостильщик бьет по бульжнику.

Моти Гадж затрубил.

— Утихи, кабан из дремучего леса! Чихан будет десять дней твоим махаутом. А теперь попрощайся со мной, зверь моего сердца. О мой владыка, царь мой! Драгоценнейший из всех сотворенных слонов, линия стада, береги свое почтенное здоровье, будь добродетелен! Прощай!

Моти Гадж обвил хоботом Дису и два раза поднял его на воздух. Так он всегда прощался с хозяином.

— Он теперь будет работать, — уверил Диса плантатора. — Можно мне уйти?

Плантатор кивнул головой, и Диса нырнул в чащу леса.

Моти Гадж опять принялся вытаскивать пни. Чихан обращался с ним очень хорошо, но несмотря на это слон чувствовал себя несчастным и одиноким. Чихан кормил его катышками из прянностей, после работы ребенок Чихана ласкался к нему, а чиханова жена называла его милашкой, но Моти Гадж был природным холостяком. Он не понимал семейных радостей.

Ему хотелось вернуть свет своей жизни — хмель, и хмельной сон.

Тем не менее он, к удивлению плантатора, хорошо работал. Диса же бродил по дорогам, пока не наткнулся на свадебный поезд людей своей касты, и тут он, пьянившись, танцуя и кутя, понесся по течению, потеряв всякое представление о времени.

Настал рассвет одиннадцатого дня, но Диса не вернулся. Моти Гаджа отвязали, чтобы начать дневную работу. Он отряхнулся, огляделся, пожал плечами и пошел прочь, словно у него было дело в другом месте.

— Хай! Хо! Ступай назад, ты! — кричал ему вслед Чихан. — Ступай назад и подними меня на свою шею, гора злосчастья. Вернись, о великолепие горных склонов, краса всей Индии, подними меня, нето я отобью тебе все пальцы на твоей жирной передней ноге!

Моти Гадж мягко заворчал, но не послушался. Чихан помчался за ним с веревкой и поймал его. Моти Гадж насторожил уши и Чихан знал, что это значит, хоть и

пытался еще бороться при помощи ругательств.

— Не дурить у меня! — кричал он. — Назад в загон, сын дьявола!

— Храмп! — произнес Моти Гадж и этим ограничился, но уши остались насторожены.

Приняв небрежный вид и жуя ветку, служившую ему зубочисткой, Моти Гадж стал слоняться по вырубке, насмехаясь над другими слонами, которые только что принялись за работу.

Чихан доложил о положении дел плантатору, тот вышел из дома с собачьей плеткой и яростно щелкал ею. Моти Гадж показал белому человеку честь, прогнав его чуть ли не четверть мили по вырубке и своими «хрампами» загнав его на веранду. После этого он стоял около дома, смеясь про себя и трясясь всем телом от смеха, как это обычно делают слоны.

— Мы его отхлестаем, — решил плантатор. — Он получит самую лучшую трепку, какая доставалась когда-либо слону. Дайте Кала-Нагу и Назиму по двенадцатифутовой цепи и велите им отвесить ему по двенадцати ударов.

Кала-Наг — что значит «Черный змей» — и Назим были самыми крупными слонами на всем участке, и в число их обязанностей входило исполнение важнейших наказаний, ибо ни один человек не может как следует побить слона.

Они взяли хоботами предназначенные для порки цепи и, гремя ими, двинулись к Моти Гаджу, намереваясь стиснуть его с обеих сторон. Моти Гаджа не секли ни разу в продолжение всей его тридцативосьмилетней жизни, и он не собирался приобретать новый опыт. Поэтому он стоял в ожидании, покачивая головой справа налево и целясь на то место в жирном боку Кала-Нага, куда его бивень мог проникнуть глубже всего. У Кала-Нага не было бивней. Знаком его власти служила цепь, но в последнюю минуту он счел за лучшее отойти подальше от Моти Гаджа и притвориться, будто принес цепь только ради потехи. Назим повернулся и быстро ушел домой. В это утро он не был расположен драться, и Моти Гадж остался стоять одиноким с приподнятыми ушами.

Это заставило плантатора прекратить спор, и Моти Гадж возобновил свой любительский осмотр вырубки. Когда слон не хочет работать и не привязан, с ним, приблизительно, так же легко справиться, как с корабельной пушкой весом в восемьдесят

Диса крикнул на таинственном, слоновьем языке.

одну тонну, оторвавшейся во время сильной морской качки. Он хлопал старых приятелей по спине и спрашивал их, легко ли выдергиваются пни, нес чепуху о работе и неот'емлемом праве слонов на долгий полуденный отдых; бродя взад и вперед, он успел перемутить все стадо еще до заката, когда вернулся в свой загон на кормежку.

— Не хочешь работать, — не будешь есть, — сердито отрезал Чихан. — Ты дикий слон, а вовсе не обученное животное. Ступай в свои джунгли.

Крошечный коричневый ребенок Чихана, перекатываясь по полу хижины, протянул пухлые ручонки к огромной тени в дверях. Моти Гадж отлично знал, что это существо было дороже всего на свете Чихану. Он вытянул вперед свой хобот с сорблазнительно закрученным концом, и коричневый ребенок с криком бросился на него. Моти Гадж обнял его, поднял вверх — и вот смуглый младенец уже ликовал в воздухе, на двенадцать футов выше головы своего отца.

— Великий владыка! — произнес Чихан, — самые лучшие лепешки числом две-

нацать, по два фута в поперечнике и вымоченные в роме будут твоими сейчас же, кроме того двести фунтов свежесрезанного, молодого сахарного тростника. Соизволь только благополучно спустить вниз этого ничтожного мальчишку, который для меня — как сердце мое и жизнь моя.

Моти Гадж удобно устроил смуглого младенца между своими передними ногами, способными растоптать и превратить в зубочистки всю чиханову хижину, и стал ждать пищи. Он с'ел ее, а коричневый ребенок уполз. Моти Гадж дремал, думая о Дисе. Одно из многих таинственных свойств слона заключается в том, что огромному его телу нужно меньше сна, чем всем прочим живым существам. Ему довольно четырех или пяти часов сна за ночь: два часа перед полночью он лежит на одном боку, два после часу ночи — на другом. Прочие часы безмолвия заполняются едой, возней и долгими ворчливыми монологами.

В полночь Моти Гадж вышел из своего загона, ибо ему пришло в голову, что Диса лежит пьяный, где-нибудь в темном лесу и некому присмотреть за ним. И вот он

целую ночь шлялся по зарослям, пыхтя, трубя и тряся ушами. Он спустился к реке и затрубил над отмелями, где Диса имел обыкновение купать его, но ответа не было. Дису он найти не смог, но зато переполошил всех слонов на участке и чуть не до смерти напугал каких-то цыган в лесу.

На рассвете Диса вернулся на плантацию. Он действительно здоровеял и ждал неприятностей за просрочку отпуска. Он облегченно вздохнул, увидев, что дом и вся плантация целы и невредимы (ведь он кое-что знал о характере Моти Гаджа), и пошел доложить о себе, сопровождая свою речь многочисленными поклонами и враньем. Моти Гадж ушел завтракать в загон. Он проголодался после ночной прогулки.

— Позови своего зверя, — приказал плантатор, и Диса крикнул на таинственном слоновьем языке, который, как верят некоторые махауты, перешел сюда из Ки-

тая еще при рождении мира, когда слоны, а не люди, были господами. Моти Гадж услышал и пришел. Слоны не скакут галопом. Они передвигаются с места на место с различной скоростью. Если слон захочет догнать курьерский поезд, он не помчится галопом, но поезд он догонит. Итак, Моти Гадж очутился у дверей плантатора чуть ли не раньше, чем Чихан заметил, что он ушел из загона. Он упал в объятия Дисы, трубя от радости: человек и животное плакали, лизали и ощупывали друг друга с головы до пяток, чтобы убедиться, что ничего худого не случилось.

— Теперь мы пойдем на работу, — сказал Диса. — Подними меня, сын мой, радость моя.

Моти Гадж вскинул его вверх, и оба они пошли на кофейную вырубку за надевшими пиями.

Плантатор был слишком изумлен, чтобы сильно рассердиться.

П Т И Ц Е Л О В Ы

Птицеловы ловят птиц на лесной поляне. Хитрое орудие лова состоит из двух длинных бамбуковых прутьев, крепко закрепленных у пояса охотника. На прутья натянута сетка. «Расправляя» и «складывая» эти «крылья», охотники захватывают в свои сети птиц.

В Америке такими сетками ловят птиц

для научных наблюдений. На лапу пойманной птицы надевают кольцо с надписью о том, где и когда птица «вакольцована», и потом птиц пускают на волю. Птицы — кочевники: они перелетают из края в край, из страны в страну. Если такую птицу снова поймают или убьют, по кольцу ее узнают, откуда она прилетела.